

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «Y.I. против РОССИИ»

(Жалоба № 68868/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 8 • Уважение семейной жизни • Наркозависимая, проходящая лечение, несоразмерно лишенная родительских прав в отношении своих детей, которые не были оставлены без присмотра и не находились в опасности • Два младших ребенка разлучены с братом и переданы под опеку государства, несмотря на желание бабушки осуществлять опеку • Отказ властей рассмотреть возможность применения менее строгих мер в наилучших интересах детей • Отказ властей принять во внимание усилия заявительницы по улучшению своей ситуации после того, как у нее забрали детей

СТРАСБУРГ

25 февраля 2020 года

Вступило в силу: 12 октября 2020 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Y.I. против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Пол Лемменс, *Председатель*,

Георгиос А. Сергидес,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Мария Элосеги,

Гилберто Феличи,

Эрик Уэннерстром, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

принимая во внимание:

жалобу, поданную в Суд 14 октября 2014 года против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданкой Российской Федерации г-жой Y.I. (далее — «заявительница»);

решение об уведомлении Властей Российской Федерации (далее — «Власти») о жалобе на автоматическое лишение заявительницы родительских прав и о признании остальной части жалобы неприемлемой;

решение о рассмотрении вышеуказанной жалобы в приоритетном порядке в соответствии с правилом 41 Регламента Суда;

замечания сторон;

проведя заседание за закрытыми дверями 4 февраля 2020 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее дело касается лишения заявительницы родительских прав в отношении трех ее детей.

ФАКТЫ

1. Заявительница, 1980 года рождения, проживает в городе Москве. Ее интересы в Суде представлял М. Голиченко, адвокат, практикующий в г. Балашихе.

2. Интересы Властей Российской Федерации представлял г-н Г.О. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту г-н М.Л. Гальперин.

3. Обстоятельства дела в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

4. Заявительница является биологической матерью И., 1999 года рождения, А., 2011 года рождения, и Ал., 2012 года рождения. В период

рассматриваемых событий она проживала со своими тремя детьми и матерью П. в двухкомнатной квартире. Судя по всему, начиная с 2004 года она принимает опиатные наркотики и страдает от опиатной зависимости.

I. ЗАДЕРЖАНИЕ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ, ЕЕ ОСУЖДЕНИЕ И ОТОБРАНИЕ У НЕЕ ДЕТЕЙ

5. В 5:45 8 октября 2013 года полиция задержала заявительницу и ее партнера К., который является биологическим отцом А. и Ал., по ее домашнему адресу, по подозрению в причастности к незаконному обороту наркотических средств. Трое детей заявительницы находились дома в этот момент. Полиция доставила заявительницу в отделение полиции, где она провела не менее четырех часов. Затем ее освободили под подписку о невыезде. В течение этого периода дети заявительницы находились дома одни, поскольку мать заявительницы уехала навестить своих родственников в другом регионе.

6. 8 октября 2013 года сотрудник полиции допросил заявительницу. Она указала, в частности, что начала принимать наркотики в 2004 году. Изначально она принимала два вида психотропных препаратов, которые она смешивала для инъекций. Она прекратила принимать наркотики в 2010 году, перед тем, как родить двух своих младших детей. Затем она вновь начала употреблять наркотики и приблизительно в течение прошлого месяца употребляла героин. Она также указала, что регулярно позволяла своим знакомым употреблять наркотики на кухне ее квартиры.

7. В 10:00 того же дня, когда заявительница находилась дома, прибыл инспектор по делам несовершеннолетних. Он составил в отношении заявительницы протокол об административном правонарушении, поскольку она не выполняла свои родительские обязанности в отношении трех своих несовершеннолетних детей и принимала наркотики. Он также составил три протокола о том, что дети оставались без присмотра. В тот же день И. забрали в детский дом, а А. и Ал. были отправлены в детскую больницу.

8. В тот же день заявительница прошла медицинское обследование, которое подтвердило, что она находилась в состоянии наркотического опьянения, вызванного морфием и кодеином.

9. В тот же день полиция по делам несовершеннолетних направила вышеупомянутые протоколы в Администрацию муниципального округа Ховрино, с ходатайством о возбуждении производства по вопросу лишения заявительницы родительских прав в отношении И., А. и Ал.

10. 18 октября 2013 года И. был передан его отцу Ис.

11. Решениями от 23 октября 2013 года Администрация муниципального округа Ховрино распорядилась о передаче А. и Ал. под опеку государства, как детей, оставшихся без попечения родителей.

25 октября 2013 года А. и Ал. Были помещены в детский дом.

12. Постановлением от 17 января 2014 года, оставленным без изменений 14 апреля 2014 года, национальные суды лишили заявительницу родительских прав в отношении трех ее детей (см. пункты 34-48 ниже).

13. 28 апреля 2014 года Головинский районный суд г. Москвы признал заявительницу виновной в незаконном обороте наркотиков и приговорил ее к шести годам лишения свободы. Она была взята под стражу в зале суда после вынесения приговора.

14. По информации Властей, 10 июня 2014 года А. и Ал. были переданы в приемную семью, где они остаются до сих пор.

II. ОБЩЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ С ЕЕ ДЕТЬМИ ПОСЛЕ ИХ ОТОБРАНИЯ

15. По словам заявительницы, до вынесения в ее отношении приговора она регулярно навещала А. и Ал. в детском доме, по крайней мере, один раз в неделю.

16. Как следует из отчетов персонала детской больницы и детского дома, А. и Ал. скучали по своей матери. В частности, Ал. просыпалась среди ночи, плакала и звала «мамочку». А. часто спрашивал, где его мама и когда она заберет его домой.

17. Неясно, навещала ли заявительница своего старшего сына И. после его отобрания.

III. ПРОВЕРКА ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

18. 11 октября и 18 ноября 2013 года Администрация муниципального округа Ховрино провела проверку жилищно-бытовых условий по домашнему адресу заявительницы.

19. В протоколе от 11 октября 2013 года указано, что в квартире имеются необходимые предметы мебели и бытовая техника. В квартире две комнаты: в одной, площадью 10,4 кв.м., проживает мать заявительницы П., которая на момент проверки отсутствовала, так как уехала в гости к родственникам в другой регион России, а в другой комнате, площадью 18,7 кв.м., проживала заявительница со своими тремя детьми. У каждого из детей было отдельное спальное место. В комнате было душно, так как она не проветривалась надлежащим образом. Там стояли комоды, обеденный стол, на котором стоял компьютер, офисный стул и шкаф для одежды. В комнате лежали пустые пластиковые бутылки, пепельницы с окурками, а на полу — таз для умывания. На кухне, в том числе, в холодильнике, имелись продукты в достаточном количестве. В протоколе было указано, что заявительница присутствовала во время проверки. Она лежала на диване, плакала, курила и винила себя во всех недавних событиях, в том числе, в том, что

у нее отобрали детей. Согласно протоколу, заявительница утверждала, что она принимала наркотики с 2003 года по 2011 год, а затем — с сентября по 8 октября 2013 года; в последний из указанных периодов она принимала героин, который получала от К. (см. пункт 5 выше). Заявительница также указала, что она собиралась обратиться в Администрацию муниципального округа Ховрино, чтобы выяснить, куда отправили ее детей, но не смогла сделать этого, так как вынуждена была оставаться в кровати из-за абстинентного синдрома. Она понимала, что у нее имеется наркотическая зависимость, и она была готова пройти лечение.

20. В протоколе от 18 ноября 2013 года указано, что в квартире имеется вся необходимая мебель и бытовая техника, и что в комнатах чисто, уютно, и они хорошо проветрены. За последний месяц в кухне был сделан ремонт, и мебель в комнате заявителя была переставлена. Проверка проводилась в присутствии П., которая указала, что 31 октября 2013 года заявительница поступила в больницу и на момент проведения проверки проходила стационарное лечение от наркозависимости. П. сообщила, что заявительница любила своих детей и всегда заботилась о них. Она также сообщила, что принимает все необходимые административные действия, чтобы получить опеку над своими внуками.

IV. ЛЕЧЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

21. 29 октября 2013 года заявительница обратилась в наркологический диспансер за помощью в связи с ее наркотической зависимостью.

22. В выписке из медицинской карты заявительницы указано, что 30 октября 2013 года она поступила в диспансер, где ей был поставлен диагноз наркотической зависимости от опиатов второй степени с симптомами наркотической абстиненции. Она проходила лечение от наркозависимости до 21 ноября 2013 года и затем была выписана из диспансера. В медицинской карте также указано, что она поступила в диспансер на лечение по собственной инициативе, и что она положительно относилась к лечению, хотела бросить употреблять наркотики и начать вести здоровый образ жизни.

23. Согласно справке от 5 декабря 2013 года, с декабря 2013 года, после постановки диагноза наркотической зависимости от опиатов второй степени, заявительница была поставлена на учет в наркологическом диспансере с целью наблюдения.

24. В рамках этого наблюдения заявительница посещала диспансер 28 ноября 2013 года и 9 января, 13 и 14 марта и 10 апреля 2014 года.

25. По информации Властей, заявительница проходила стационарное лечение от своей зависимости в диспансере в период с 17 по 31 января 2014 года; затем она была выписана, так как отказалась от лечения. Затем

она была повторно помещена в диспансер с 7 по 21 февраля 2014 года. По утверждению заявительницы, она покинула диспансер 31 января 2014 года, поскольку у нее были проблемы со здоровьем, в отношении которых она не могла получить там помощь. Как только она прошла соответствующее лечение, она вернулась в наркологический диспансер.

V. ПРОИЗВОДСТВО ПО ЛИШЕНИЮ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

26. 1 ноября 2013 года Администрация муниципального округа Ховрино подала иск против заявительницы, требуя лишения ее родительских прав в отношении трех ее детей. В частности, представители администрации указали, что с октября 2013 года районная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав наблюдала за заявительницей, как за матерью, не выполняющей свои родительские обязанности, не обеспечивающей своим детям надлежащий уход и финансовую поддержку, и которая являлась лицом, принимающим наркотические средства в течение длительного времени. Представители администрации также подчеркнули, что заявительница была безработной, и в ее отношении ведется уголовное производство по подозрению в причастности к незаконному обороту наркотических веществ. В связи с этим, представители администрации настаивали на том, что если дети останутся с ней, то их жизни и здоровье будут подвергаться опасности.

A. Суд первой инстанции

1. Разбирательство в суде первой инстанции

27. Из протокола двух судебных заседаний, которые состоялись 5 и 24 декабря 2013 года соответственно, следует, что заявительница и ее представитель присутствовали на этих слушаниях и представили устные доводы. Заявительница, в частности, указала, что она любит своих детей и хочет заботиться о них. Она также заявила, что никогда не принимала наркотики на глазах у детей; для этого она уходила в ванную или в туалет. Она также сказала, что желает пройти реабилитационное лечение от своей зависимости.

28. Мать заявительницы П., которая участвовала в разбирательстве в качестве третьей стороны, возражала против лишения ее дочери родительских прав. Она утверждала, что заявительница любит своих детей и заботилась о них, насколько это позволяло состояние ее здоровья. Она также заявила, что знает, что ранее ее дочь принимала психотропные препараты, но прекратила их принимать во время беременности. П. также заявила, что, хотя она проживает со своей дочерью в одной квартире, она не замечала, чтобы та вновь начала

принимать наркотики; она также не знала, что ее дочь начала употреблять героин.

29. Представитель детского дома, в который были помещены А. и Ал., указала, что бабушка детей начала посещать их, как только они поступили в это учреждение, тогда как их мать впервые приехала 6 декабря 2013 года, так как до этой даты она проходила стационарное лечение от ее зависимости. Мать и бабушка детей регулярно посещали их и приносили им подарки; дети были особенно привязаны к своей бабушке.

30. Сотрудник полиции по делам несовершеннолетних И.П., заявила, что мать детей употребляет наркотики с 2004 года. По словам И.П., в 2010 году она прекратила употреблять наркотики ввиду беременности, но вернулась к употреблению после рождения ребенка, начав регулярно употреблять героин. Указанный сотрудник также заявила, что мать детей пыталась прекратить употреблять наркотики, но не могла продержаться дольше двух недель. В рамках уголовного производства по факту незаконного оборота наркотических средств в квартире заявительницы был произведен обыск, в ходе которого были обнаружены пакеты с героином. Она также позволяла своим знакомым принимать наркотики на кухне, в присутствии ее детей. По словам И.П., старший сын заявительницы И. находился на учете в полиции; два уголовных дела в его отношении были прекращены ввиду его возраста.

31. Суд также заслушал старшего сына заявительницы И., который, в частности, заявил, что до событий 8 октября 2013 года он жил со своей матерью, ее партнером, своими братом, сестрой и бабушкой. Их жизнь была «нормальной», поведение его матери не было «неадекватным»; она заботилась о детях. И. также заявил, что ему нравится жить с отцом и что у него хорошие отношения с новой семьей отца. Фактически, И. хотел бы жить с обоими родителями, он не мог сделать выбор. Он подчеркнул, что не хочет, чтобы его мать была лишена родительских прав.

32. Отец И., Ис., и его жена заявили, что хотели бы, чтобы И. жил в их семье.

33. Из протокола судебного заседания от 17 января 2014 года следует, что представитель заявительницы сообщила суду, что, поскольку заявительница была помещена в диспансер для прохождения лечения в связи с ее наркозависимостью, она не смогла присутствовать на слушании. Она обратилась в суд первой инстанции с ходатайством об отложении слушания, но ее ходатайство было отклонено.

2. Постановление от 17 января 2014 года

34. Заочным постановлением от 17 января 2014 года Головинский районный суд г. Москвы (далее — «районный суд») рассмотрел и удовлетворил иск против заявительницы. Он сослался на статью 69 Семейного кодекса Российской Федерации (см. пункт 52 ниже).

35. Районный суд рассмотрел протокол задержания заявительницы от 8 октября 2013 года (см. пункты 5-6 выше), протокол об административном правонарушении, датированный тем же числом (см. пункт 7 выше), и заключение ее медицинского освидетельствования, проведенного в тот же день (см. пункт 8 выше). Суд также сослался на протокол от 11 октября 2013 года о проверке жилищно-бытовых условий заявительницы (см. пункт 19 выше), справку от 5 декабря 2013 года (см. пункт 23 выше) и административные решения от 23 октября 2013 года о передаче А. и Ал. под опеку государства (см. пункт 11 выше).

36. Суд также сослался на письмо от школьного учителя И. В этом письме сообщалось, что И. посещал эту школу с 1 сентября 2008 года и в течение этого периода он продемонстрировал отсутствие способностей и мотивации и пропускал занятия без уважительной причины. В письме также указывалось, что, хотя мать И. заботилась о нем и интересовалась его поведением и прогрессом, она не оказывала на него никакого влияния.

37. Суд принял показания И.П. (см. пункт 30 выше) в качестве доказательства, посчитав, что они были последовательными, согласованными и подтверждались письменными материалами дела.

38. Суд рассмотрел протокол проверки жилищно-бытовых условий Ис., в котором подтверждалось, что жилищные условия были надлежащими, и еще одно письмо от школьного учителя И., в котором говорилось, что с 18 октября 2013 года (дата, когда И. начал жить со своим отцом) он стал вести себя лучше, перестал пропускать занятия и достиг прогресса в учебе.

39. Ссылаясь на вышеупомянутые доказательства и свидетельские показания, суд отметил, что заявительница принимала наркотики в течение длительного времени, не работала, не заботилась о детях надлежащим образом и не обеспечивала их материально. Суд пришел к выводу о том, что если дети останутся жить с ней, то их здоровье и жизнь будут под угрозой, и по этой причине ее следует лишить родительских прав в отношении И., А. и Ал.

40. Суд счел, что доводы, представленные представителем заявительницы и ее матерью о том, что заявительница в настоящее время проходит курс лечения от наркозависимости и имеет положительную характеристику от ее соседей, не имеют отношения к обстоятельствам дела и поэтому не должны приниматься во внимание.

41. Таким образом, суд лишил заявительницу родительских прав в отношении троих ее детей, постановил передать И. под опеку его отца Ис., передать А. и Ал. под опеку государства, и предписал заявительнице ежемесячно выплачивать алименты для финансовой поддержки ее детей.

В. Апелляционное производство

42. Заявительница не согласилась с постановлением суда первой инстанции и обжаловала его в Московский городской суд. Она жаловалась на то, что районный суд применил слишком формальный подход, не дал оценку конкретным обстоятельствам ее дела, а просто применил статью 69 Семейного кодекса Российской Федерации (см. пункт 52 ниже). Таким образом, он лишил ее родительских прав лишь на том основании, что она была наркозависимой. По мнению заявительницы, один лишь этот факт не доказывал, что она представляла опасность для своих детей, и потому он был недостаточным для лишения ее родительских прав. Суд первой инстанции проигнорировал тот факт, что она проходила курс реабилитации, хотя это имело прямое отношение к ее делу. Наконец, она жаловалась на то, что ей не была предоставлена возможность принять участие в судебном разбирательстве в районном суде, так как суд отклонил ее ходатайство об отложении судебного слушания.

43. Из протокола заседания от 14 апреля 2014 года следует, что заявительница и ее представитель присутствовали на слушании в суде апелляционной инстанции и представили свои доводы. Они просили, чтобы суд апелляционной инстанции приобщил к материалам дела ряд доказательств, подтверждающих, что заявительница изменила свое отношение, нашла работу, имеет достаточный доход и прошла курс реабилитации. Они также просили апелляционный суд вызвать и допросить врача, который лечил заявительницу в диспансере, в котором она проходила стационарное лечение от своей зависимости. Апелляционный суд отклонил это ходатайство, указав, что эти доказательства были получены после того, как суд первой инстанции вынес постановление, и что заявительница могла ходатайствовать о допросе указанного свидетеля в суде первой инстанции, но не сделала этого.

44. Решением от 14 апреля 2014 года Московский городской суд в апелляционном порядке оставил постановление от 17 января 2014 года без изменений. Он счел, что постановление суда первой инстанции было обоснованным и принятым на основании надлежащей оценки всех соответствующих обстоятельств.

45. Суд апелляционной инстанции не согласился с доводом заявительницы о том, что ее пристрастие к наркотикам стало единственным основанием для лишения ее родительских прав. У нее забрали детей, потому что она пренебрегала своими родительскими обязанностями в отношении А. и Ал. и в течение длительного периода оставалась безработной и употребляла наркотики. Апелляционный суд сослался на слова заявительницы в протоколе от 11 октября 2013 года о том, что ввиду наличия у нее наркотической абстиненции она была не в состоянии выяснить местонахождение ее детей (см. пункт 19 выше), и на

протокол ее допроса от 8 октября 2013 года (см. пункт 6 выше), в котором она сообщила, что регулярно позволяла другим лицам принимать наркотики в ее квартире. Он также сослался на «другие доказательства, того, что [она] употребляла и распространяла наркотики в своей квартире», не указав, какие именно это были доказательства.

46. По мнению апелляционного суда, вышеизложенных соображений было достаточно для того, чтобы суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что в случае дальнейшего проживания детей с заявительницей их жизни и здоровье будут находиться под угрозой.

47. Московский городской суд также постановил, что тот факт, что заявительница прошла реабилитационное лечение, не мог, сам по себе, являться основанием для отклонения иска органов власти, так как постановление суда первой инстанции основывалось на оценке имеющихся доказательств и обстоятельств дела на момент принятия решения. Кроме того, заявительница получит возможность ходатайствовать о восстановлении своих родительских прав, как только основания, по которым она была лишена их, перестанут существовать.

48. Наконец, в части, касающейся жалобы заявительницы на отказ суда первой инстанции перенести судебное слушание, чтобы заявительница могла лично участвовать в судебном разбирательстве, Московский городской суд отметил, что это не является основанием для отмены постановления, так как интересы заявительницы были представлены в суде первой инстанции, и ее представитель изложил ее позицию.

С. Кассационное производство

49. Впоследствии заявительница подала кассационную жалобу в Президиум Московского городского суда. Она поступила в суд 10 октября 2014 года. Она утверждала, что нижестоящие суды применили статью 69 Семейного кодекса России формально, и обосновывали свои решения исключительно тем фактом, что она являлась наркозависимой, не учитывая того, что она проходила реабилитационное лечение. Кроме того, суд первой инстанции и апелляционный суд не учли право детей жить и воспитываться в своей семье, как это предусмотрено статьей 54 Семейного кодекса Российской Федерации (см. пункт 51 ниже). В частности, они не смогли убедительно продемонстрировать, что принудительное разлучение с их матерью и их передача под опеку государства служили наилучшим интересам детей. Заявительница также утверждала, что суды не смогли представить какие-либо факты, доказывающие, что она не выполняла своих родительских обязанностей, и, следовательно, этот вывод судов был необоснованным. По словам заявительницы, материалы дела свидетельствовали о том, что хотя она страдала от опиатной

зависимости, она предпринимала попытки избавиться от нее; более того, она никогда не утрачивала интерес к жизни своих детей, их развитию и воспитанию. Она также утверждала, что оспариваемые решения нарушили ее право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции.

50. Решением от 29 октября 2014 года Президиум Московского городского суда оставил постановление от 17 января 2014 года и решение от 14 апреля 2014 без изменений, подтвердив аргументацию нижестоящих судов.

ПРИМЕНИМАЯ ПРАВОВАЯ БАЗА И ПРАКТИКА

I. СЕМЕЙНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

51. Статья 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — «Кодекс») предусматривает, что каждый ребенок, то есть лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно. Ребенок имеет право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Ребенок имеет право на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства.

52. Статья 69 Кодекса устанавливает, что родители могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе, от уплаты алиментов; отказываются взять своего ребенка из родильного дома либо из иной медицинской организации, воспитательного учреждения, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций; злоупотребляют своими родительскими правами; жестоко обращаются с детьми, в том числе, осуществляют физическое, психическое или половое насилие; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; или совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей либо супруга.

53. Согласно статье 71 Кодекса, родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания, а также право на льготы и государственные пособия.

54. Статья 73 предусматривает, что суд может с учетом интересов ребенка принять решение об отобрании ребенка у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав (ограничение родительских прав). Ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по таким не

зависящим от родителей (одного из них) обстоятельствам, как психическое расстройство или иное хроническое заболевание или стечение тяжелых обстоятельств. Ограничение родительских прав допускается также в случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав. Если родители (один из них) не изменят своего поведения, орган опеки и попечительства по истечении шести месяцев после вынесения судом постановления об ограничении родительских прав обязан предъявить иск о лишении родительских прав. В интересах ребенка орган опеки и попечительства вправе предъявить иск до истечения этого срока.

II. ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

55. В своем постановлении № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» от 27 мая 1998 года с поправками от 6 февраля 2007, года Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в частности, указал следующее:

«...»

11. Родители могут быть лишены судом родительских прав по основаниям, предусмотренным в ст. 69 [Семейного Кодекса Российской Федерации], только в случае их виновного поведения.

Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, обучении, [и] подготовке к общественно полезному труду.

...

Хронический алкоголизм или заболевание родителей наркоманией должны быть подтверждены соответствующим медицинском заключением ...

12. ... Не могут быть лишены родительских прав лица, не выполняющие свои родительские обязанности вследствие стечения тяжелых обстоятельств и по другим причинам, от них не зависящим (например, [в случае наличия у человека] психического расстройства или иного хронического заболевания ...)

...

13. Судам следует учитывать, что лишение родительских прав является крайней мерой. В исключительных случаях при доказанности виновного поведения родителя суд с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств вправе отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей, возложив на органы опеки и попечительства контроль за надлежащим выполнением им родительских обязанностей».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

56. Заявительница жаловалась на то, что она была лишена родительских прав в результате автоматического применения статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации, в которой наркозависимость одного из родителей указана в числе оснований для лишения родительских прав. Она ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. Приемлемость

57. Власти Российской Федерации указали, что Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в редакции, действовавшей на тот момент, установил двухуровневую кассационную процедуру обжалования постановлений суда, принятых на первых двух уровнях юрисдикции, которая была признана Судом в качестве эффективного средства защиты в решении Европейского Суда от 12 мая 2015 года по делу «Абрамян и другие против России» (*Abramyan and Others v. Russia*), жалобы № 38951/13 и № 59611/13). Они также указали, что на момент подачи заявительницей жалобы в Европейский Суд, ее кассационная жалоба еще не была рассмотрена судом кассационной инстанции. Таким образом, они утверждали, что жалоба является преждевременной и что заявительница не исчерпала доступные ей эффективные внутригосударственные средства правовой защиты.

58. Ссылаясь на постановление Европейского Суда от 29 марта 2016 года по делу «Кочеров и Сергеева против России» (*Kocherov and Sergeyeva*), жалоба № 16899/13, заявительница утверждала, что, когда она подала жалобу в Суд, она не знала, что он будет рассматривать новую кассационную процедуру в качестве эффективного средства правовой защиты. Она отметила, что подала свою жалобу 14 октября 2014 года, в то время как упомянутое выше решение о неприемлемости по делу «Абрамян и другие против России» было вынесено только в мае 2015 года.

59. Суд отклонил аналогичные возражения государства-ответчика во многих делах, в которых заявители подали свои жалобы до того, как Суд вынес упомянутое выше решение по делу «Абрамян и другие против России» (см., например, постановление Европейского Суда от 15 марта

2016 года по делу «Новрук и другие против России» (*Novruk and Others v. Russia*), жалобы №№ 31039/11 и 4 другие жалобы, пункты 70-76; упомянутое выше постановление по делу «Кочеров и Сергеева против России», пункты 64-69; постановление Европейского Суда от 18 июля 2017 года по делу «МакИлврат против России» (*McIlwrath v. Russia*), жалоба № 60393/13, пункты 85-95; постановление Европейского Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Элита Магомадова против России» (*Elita Magomadova v. Russia*), жалоба № 77546/14, пункты 40-44; и постановление Европейского Суда от 18 декабря 2018 года по делу «Хуснутдинов и Х против России» (*Khusnutdinov and X v. Russia*), жалоба № 76598/12, пункты 65-66; постановление Суда от 8 октября 2019 года по делу «Зелиха Магомадова против России» (*Zelikha Magomadova v. Russia*), жалоба № 58724/14, пункты 79-80).

60. Суд не видит каких-либо оснований для иного вывода по настоящему делу. Заявительница подала жалобу в Суд 14 октября 2014 года, то есть до признания Судом измененной двухэтапной процедуры кассационного обжалования эффективным средством правовой защиты (см. упомянутое выше решение по делу «Абрамян и другие против России», пункты 76-96). Более того, Власти никогда не утверждали, что на момент рассматриваемых событий существовала какая-либо применимая национальная судебная практика, которая позволяла бы заявителям понять, что новое средство правовой защиты удовлетворяет требованиям пункта 1 статьи 35 Конвенции, и предвидеть новое требование об исчерпании нового средства правовой защиты вместо того, чтобы следовать подходу, который применялся Судом до недавнего времени. При таких обстоятельствах Суд считает, что заявительница не была обязана прибегать к этой процедуре до подачи своей жалобы в Суд.

61. Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

62. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной или неприемлемой по каким-либо другим основаниям, перечисленным в статье 35 Конвенции. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Существо

1. Доводы сторон

(а) Заявительница

63. Заявительница утверждала, что национальные суды автоматически применили статью 69 Семейного кодекса Российской Федерации лишь на том основании, что она была наркозависимой; они не оценили необходимость и пропорциональность столь суровой меры, как лишение родительских прав. В частности, они не рассматривали

возможность применения других, менее суровых мер. По утверждению заявительницы, лишение родительских прав должно быть крайней мерой, которая должна применяться только в том случае, если другие, менее строгие, меры не дали результатов. Действительно, статья 73 Семейного кодекса Российской Федерации (см. пункт 54 выше) предусматривала ограничение родительских прав, что являлось менее радикальной мерой; однако внутригосударственные органы власти никогда не рассматривали возможность применения данной меры.

64. Кроме того, национальные органы власти никогда не рассматривали вопрос об оказании социальной помощи и поддержки заявительнице и ее семье. В частности, как только российским органам власти стало известно о ситуации заявительницы, они привлекли ее к административной ответственности за невыполнение ею своих родительских обязанностей. Они не предложили никакой социальной или медицинской помощи заявительнице и ее семье, несмотря на очевидный факт, что ее трудности и тяжелое семейное положение были вызваны ее наркотической зависимостью. Оценки, проведенные органом опеки (см. пункты 7 и 9 выше), были направлены на лишение ее родительских прав, а не на выявление потребностей ее семьи и оказание ей необходимой социальной поддержки.

65. Национальные суды также не смогли установить справедливый баланс между затрагиваемыми интересами, и не привели «значительные и достаточные» основания для своего решения о лишении заявительницы родительских прав. В частности, они не приняли во внимание позитивные изменения в ее поведении после отобрания детей и, в особенности, тот факт, что она начала реабилитационное лечение. Более того, они не рассматривали возможность оставить детей на попечении бабушки по материнской линии. Вместо этого, проигнорировав доказательства и свидетельские показания о том, что до отобрания детей заявительница и ее дети жили в подходящих условиях, и что ее мать жила с ними и помогала ей ухаживать за детьми, они решили передать детей под опеку государства. Власти также не приняли во внимание тот факт, что дети имели связь не только с заявительницей, но и с ее матерью. Суды также не приняли во внимание показания матери заявительницы и ее старшего сына о том, что она не употребляла наркотики в присутствии детей. Фактически суды связали риск для здоровья и развития детей с тем фактом, что заявительница употребляла наркотики и что в ее квартире хранились и продавались наркотические средства. Кроме того, суды ссылались на ее плохое финансовое положение, которое само по себе не являлось веской причиной для лишения ее родительских прав.

66. Заявительница пришла к выводу о том, что способ, которым власти осуществили свои полномочия и рассмотрели ее ситуацию, был скорее карательным, чем поддерживающим.

67. Ее поставили в положение, в котором она не смогла эффективно представить все аргументы против лишения ее родительских прав. В частности, национальные суды отклонили как не относящиеся к делу представленные ею доказательства, включая положительные характеристики от ее соседей и из школы ее сына, а также доказательства, подтверждающие, что она начала реабилитационное лечение.

68. Заявительница также утверждала, что в ходе разбирательства на внутригосударственном уровне, несмотря на то, что она была уязвима ввиду своей наркотической зависимости, ей не была предоставлена бесплатная юридическая помощь. Она не пользовалась услугами адвоката и была представлена лицом, не имеющим юридического образования и знаний, в то время как власти были представлены рядом должностных лиц из органов опеки, которые «вероятно [имели] юридическое образование и навыки или знания, связанные с делами по опеке над детьми», а также прокурором. Это поставило заявительницу в невыгодное положение.

69. Более того, последнее слушание в суде первой инстанции было проведено, несмотря на то, что заявительница не могла присутствовать на нем, поскольку она находилась в диспансере, где она проходила курс реабилитации. В целом, в ходе судебного разбирательства доминировали государственные служащие, в результате чего процесс принятия решений не мог считаться справедливым.

70. Заявительница подчеркнула, что в результате принятия решения о лишении ее родительских прав она утратила все права в отношении своих детей, включая право на общение. Таким образом, оспариваемая мера нарушила ее право на уважение ее частной и семейной жизни.

(б) Власти

71. Власти признали, что лишение заявительницы родительских прав представляло собой вмешательство в ее право на уважение семейной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции. Однако, по их мнению, это вмешательство было оправданным в соответствии со вторым пунктом этой статьи. Оно имело основание в национальном праве, поскольку оно основывалось на положениях Семейного Кодекса Российской Федерации, в частности, на статье 69, на которую национальные суды ссылались в соответствующих решениях. Оно также преследовало цель защиты прав детей.

72. По мнению Властей, оспариваемая мера также была «необходимой в демократическом обществе»; она была пропорциональной и учитывала наилучшие интересы детей. В соответствии с прочно сложившейся прецедентной практикой Суда национальные суды пользовались определенной свободой усмотрения и имели больше возможностей для оценки относимости и существа

представленных им доказательств, включая показания свидетелей. В ходе разбирательства по вопросу о лишении заявительницы родительских прав национальные суды справедливо сочли, что поддержание семейных связей между заявительницей и тремя ее детьми будет вредным для их здоровья и развития, и что обеспечение их развития в безопасной среде будет отвечать наилучшим интересам детей. Суды вынесли решение на основании представленных доказательств. В частности, суд первой инстанции установил, что заявительница принимала наркотики в течение длительного периода времени, что негативно сказывалось на психическом здоровье детей; она позволила своим знакомым принимать наркотики в ее квартире, где проживали ее дети; она пренебрегала своими детьми и, в частности, не заботилась об их здоровье и психическом развитии; она была безработной и имела низкий доход; и в ее отношении было возбуждено уголовное дело. Власти также сослались на предыдущую судимость заявительницы, не предоставив никаких подтверждающих документов. По мнению Властей, изложенного выше достаточно, чтобы доказать, что лишение заявительницы родительских прав не было автоматическим, а было основано на значительных и достаточных соображениях.

73. Что касается процесса принятия решений, то Власти утверждали, что заявительница принимала участие в двух слушаниях (5 и 24 декабря 2013 года) в суде первой инстанции, в ходе которых она и ее представитель имели возможность представить устные и письменные доводы и подавать ходатайства, которые были рассмотрены судами и на которые были даны обоснованные ответы. Что касается последнего слушания, состоявшегося 17 января 2014 года, на которое заявительница не смогла явиться по причине госпитализации, то Власти указали, что она знала о дате слушания, но все же решила начать стационарное лечение в этот день. Кроме того, ее представитель попросил суд первой инстанции отложить слушание на два месяца, что, по мнению суда, было слишком длительным сроком в споре, касающемся детей. В любом случае, заявительница изложила свою позицию и выдвинула свои аргументы на предыдущих двух слушаниях, а ее представитель участвовал в третьем слушании. Кроме того, заявительница и ее представитель присутствовали на заседании суда апелляционной инстанции по ее делу. Таким образом, по мнению Властей, процесс принятия решений был справедливым и обеспечил права заявительницы.

74. Власти также утверждали, что органы государственной власти приняли наиболее подходящие меры в данных обстоятельствах. В частности, старший сын заявительницы был передан под опеку его отца, что, согласно сообщению из его школы, оказало благотворное влияние на его поведение. Двое младших детей были переданы в приемную семью; их приемные родители выполнили все требования применимого законодательства.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

75. Суд напоминает, что взаимное общение родителя и ребенка является одним из основных элементов «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции (см., например, постановление Суда от 18 июня 2019 года по делу «Хаддад против Испании» (*Haddad v. Spain*), жалоба № 16572/17, пункт 51). В настоящее время имеется широкий консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, превыше всего следует ставить наилучшие интересы детей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 6 июля 2010 года по делу «Нойлингер и Шурук» (*Neulinger and Shuruk*), жалоба № 41615/07, пункт 135, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х против Латвии» (*X v. Latvia*), жалоба № 27853/09, пункт 96, ECHR 2013). Интересы ребенка диктуют необходимость сохранения связей ребенка с его семьей, за исключением случаев, когда семья является абсолютно неподходящей, и это может нанести вред здоровью и развитию ребенка (см., например, постановление Европейского Суда от 14 марта 2017 года по делу «К.Б. и другие против Хорватии» (*K.B. and Others v. Croatia*), жалоба № 36216/13, пункт 143). Разорвать семейные узы означает лишить ребенка его корней, что может быть сделано только в очень исключительных обстоятельствах, и должны быть приняты все меры для сохранения личных отношений и, если это необходимо, для «восстановления» семьи. В этом контексте Суд подчеркнул, в частности, обязанность государства принимать меры для сохранения связи между родителем и ребенком, насколько это возможно (см. постановление Суда от 26 февраля 2004 года по делу «Горгюлю против Германии» (*Gorgülü v. Germany*), жалоба № 74969/01, пункт 48; постановление Суда от 13 октября 2015 года по делу «С.Х. против Италии» (*S.H. v. Italy*), жалоба № 52557/14, пункт 48; и постановление Суда от 10 января 2017 года по делу «Каспер Новаковски против Польши» (*Kasper Nowakowski v. Poland*), жалоба № 32407/13, пункт 75).

76. В то же время также совершенно ясным является, что в интересах ребенка необходимо обеспечить его развитие в благоприятной для него среде, и родитель в соответствии со статьей 8 не имеет права принимать такие меры, которые нанесут вред здоровью и развитию ребенка (см. постановление Большой Палаты от 10 сентября 2019 года по делу «Стрэнд Лоббен и другие против Норвегии» (*Strand Lobben and Others v. Norway*), жалоба № 37283/13, пункт 207). Наилучшие интересы ребенка, в зависимости от их характера и серьезности, могут быть превыше интересов родителей (см., например, постановление Суда от 9 апреля 2019 года по делу «В.Д. и другие против России» (*V.D. and Others v. Russia*), жалоба № 72931/10, пункт 114).

77. Следует иметь в виду, что в целом национальные органы власти

имеют возможность прямого контакта со всеми заинтересованными лицами. Таким образом, задача Суда заключается не в том, чтобы подменять собой национальные органы власти, а в том, чтобы рассматривать в свете Конвенции решения и оценки, даваемые этими органами власти в рамках предоставленных им пределов свободы усмотрения (см., среди других источников, упомянутое выше постановление Большой Палаты по делу «Х против Латвии», пункт 101, и упомянутое выше постановление по делу «Стрэнд Лоббен и другие против Норвегии», пункт 210). Пределы свободы усмотрения, которой должны наделяться компетентные национальные органы власти, неодинаковы и зависят от характера вопросов, являющихся предметом спора по тому или иному делу, и от важности затрагиваемых интересов. Хотя Суд признает, что власти пользуются широкими пределами свободы усмотрения при решении вопросов опеки, строго требуется внимательное изучение любых дальнейших ограничительных мер, таких как ограничения, налагаемые такими органами на родительские права и на доступ, а также любых правовых гарантий эффективной защиты права родителей и детей на уважение их семейной жизни. Такие дальнейшие ограничения влекут за собой опасность фактического ухудшения семейных отношений между ребенком и его родителями (см. постановление Европейского Суда по делу «Кутцнер против Германии» (*Kutzner v. Germany*, жалоба № 46544/99, пункт 67, ECHR 2002-I, постановление Европейского Суда по делу «Хаазе против Германии» (*Haase v. Germany*), жалоба № 11057/02, пункт 92, ECHR 2004-III (выдержки), и упомянутое выше постановление по делу «Стрэнд Лоббен и другие против Норвегии», пункт 211).

78. При определении, была ли оспариваемая мера «необходимой в демократическом обществе», Суд должен рассмотреть, были ли в свете дела причины, приведенные для обоснования оспариваемой меры, «соответствующими и достаточными» для целей пункта 2 статьи 8 Конвенции. С этой целью Суд должен выяснить, провели ли национальные суды тщательное изучение семейной ситуации в целом и целого ряда факторов, в частности, факторов фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, и была ли проведена сбалансированная и разумная оценка соответствующих интересов каждого лица, стараясь при этом определить, каким будет наилучшее решение для ребенка (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», пункт 139). В делах, касающихся мер государственной опеки, Суд также должен определить, был ли процесс принятия решений в целом справедливым и была ли предоставлена заявительнице необходимая защита ее интересов, гарантированных статьей 8 (см. упомянутое выше постановление по делу «Стрэнд Лоббен и другие против Норвегии», пункт 212).

(б) Применение данных принципов к настоящему делу

79. Прежде всего, Суд отмечает, что по самой своей природе связь между заявительницей и ее детьми подпадает под понятие «семейная жизнь» для целей статьи 8 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 8 января 2013 года по делу «А.К. и Л. против Хорватии» (*A.K. и L. v. Croatia*), жалоба № 37956/11, пункты 51-52, и постановление Европейского Суда от 30 октября 2018 года по делу «С.С. против Словении» (*S.S. v. Slovenia*), жалоба № 40938/16, пункт 78).

80. Стороны не оспаривали тот факт, что лишение заявительницы родительских прав в отношении ее детей представляло собой вмешательство в ее право на уважение семейной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции. Такое вмешательство является нарушением данного положения, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется «в соответствии с законом», преследует одну из законных целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 8, и может считаться необходимым в демократическом обществе (см., среди прочих источников, постановление Суда от 22 октября 2015 года по делу «Йованович против Швеции» (*Jovanovic v. Sweden*), жалоба № 10592/12, пункт 74, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «С.С. против Словении», пункт 79).

81. Суд также принимает довод Властей о том, что рассматриваемая мера была основана на статье 69 Семейного Кодекса Российской Федерации (см. пункт 52 выше) и преследовала цель защиты прав детей заявительницы. Остается определить, была ли эта мера «необходимой в демократическом обществе».

82. Прежде всего, Суд отмечает, что лишение заявительницы родительских прав разорвало связь матери и ребенка между заявительницей и ее детьми и лишило ее всех родительских прав в их отношении, включая право на общение с ними (см. пункты 53 и 70 выше). Суд подтверждает, что разделение семьи является очень серьезным вмешательством (см. упомянутые выше постановления по делам «А.К. и Л. против Хорватии», пункт 62, и «Хаддад», пункт 54). Лишение человека его родительских прав является особенно радикальной мерой, которая лишает родителя его семейной жизни с ребенком, что несовместимо с целью их воссоединения. Как отмечалось выше, такие меры должны применяться только в исключительных обстоятельствах и могут быть оправданы только в том случае, если они мотивированы первостепенным требованием, касающимся наилучших интересов ребенка (см. упомянутое выше постановление по делу «Стрэнд Лоббен и другие против Норвегии», пункт 209, постановление Суда от 17 июля 2012 года по делу «М.Д. и другие против Мальты» (*M.D. and Others v. Malta*), жалоба № 64791/10, пункт 76; и постановление Суда от 6 октября 2015 года по делу «Н.П. против Республики Молдова» (*N.P. v. the Republic of Moldova*), жалоба

№ 58455/13, пункт 65). Следовательно, это является областью, в которой существует еще большая потребность в защите от произвольных вмешательств (см. упомянутое выше постановление по делу «С.С. против Словении», пункт 96).

83. Что касается процесса принятия решения, то Суд отмечает, что заявительница была представлена на протяжении всего разбирательства; она также лично присутствовала на двух из трех слушаний в суде первой инстанции и в суде апелляционной инстанции и делала устные заявления (см. пункты 27 и 43 выше). Был заслушан ряд свидетелей, в том числе ее мать и ее старший сын (см. пункты 28 и 31 выше). В то же время при оценке качества процесса принятия решений, приведшего к разделению семьи, Суд также должен проверить, были ли выводы национальных органов власти основаны на надлежащих доказательствах (см. упомянутое выше постановление по делу «Н.П. против Республики Молдова», пункт 69; сравн. также с упомянутым выше постановлением по делу «Стрэнд Лоббен и другие против Норвегии», пункты 220 и 225).

84. В связи с вышеизложенным Суд отмечает, что национальные суды основывали оспариваемую меру на выводах о том, что она пренебрегала своими родительскими обязанностями, не обеспечив своим детям надлежащий уход и финансовую поддержку, и в течение продолжительного периода времени принимала наркотики и была безработной. Власти сочли, что оставление детей под ее опекой поставит под угрозу их здоровье и развитие, и решили, что ее необходимо лишить родительских прав (см. пункты 39 и 45 выше). Суд готов признать, что эти соображения были «значительными», но он не убежден в том, что они также были «достаточными» для оправдания оспариваемой меры в обстоятельствах настоящего дела.

85. Из фактов дела следует, что трое детей заявительницы были изъяты из семьи и помещены в государственные учреждения 8 октября 2013 года, когда в ее отношении было возбуждено уголовное дело по подозрению в причастности к незаконному обороту наркотиков (см. пункты 5 и 7 выше). Суд готов признать, что отобрание детей из семьи и первоначальное помещение в государственное учреждение было оправданным, учитывая, в частности, тот факт, что в тот день заявительница находилась в состоянии наркотического опьянения, а в течение нескольких последующих дней страдала от абстинентного синдрома и явно не могла заботиться о своих детях (см. пункты 8 и 19 выше). Однако из этого не следует, что этот факт сам по себе являлся достаточным основанием для столь радикальной меры, как лишение родительских прав. Суд напоминает, что решение о назначении опеки должно рассматриваться как временная мера, которая прекращает действовать, как только это позволят обстоятельства, и что любые меры по установлению временной опеки должны соответствовать конечной цели воссоединения биологических родителей и ребенка

(см. упомянутое выше постановление по делу «Стрэнд Лоббен и другие против Норвегии», пункт 208 и упомянутое выше дело «Хаддад», пункт 54).

86. Суд также отмечает, что в неустановленный день в октябре 2013 года (предположительно после событий 8 октября 2013 года) органы опеки начали наблюдение за семьей заявительницы в связи с предположительным пренебрежением ею своими родительскими обязанностями и отсутствием ухода за ее детьми, и что они возбудили дело о лишении заявительницы родительских прав уже 1 ноября 2013 года (см. пункт 26 выше). По-видимому, до рассматриваемого разбирательства заявительница не состояла на учете в органах опеки или в каких-либо других органах социального обеспечения, и ее не предупреждали о ее поведении и последствиях, которые оно может повлечь за собой. Также, судя по всему, как только им стало известно о ситуации, компетентные органы не предприняли никаких попыток оказать ей соответствующую помощь. Также нет никаких доказательств того, что в своих соответствующих решениях национальные суды рассматривали какой-либо из этих факторов.

87. Суд повторяет, что роль властей в области социального обеспечения заключается именно в том, чтобы помогать людям, находящимся в затруднительном положении, давать им рекомендации относительно их общения с органами социального обеспечения и консультировать их, в частности, о том, как преодолеть их трудности (см. постановление Суда от 18 декабря 2008 года по делу «Савины против Украины» (*Saviny v. Ukraine*), жалоба № 39948/06, пункт 57; постановление Суда от 18 июня 2013 года по делу «Р.М.С. против Испании» (*R.M.S. v. Spain*), жалоба № 28775/12, пункт 86; и упомянутое выше постановление по делу «С.Х против Италии», пункт 54). В случае с уязвимыми лицами власти должны проявлять особую бдительность и обеспечивать повышенный уровень защиты (см., например, упомянутое выше постановление по делу «С.С. против Словении», пункт 84).

88. Кроме того, придя к выводу о том, что заявительница пренебрегла родительскими обязанностями и, в частности, не предоставила своим детям надлежащего ухода, национальные суды не привели подробностей относительно этого вывода. В частности, они не ссылались на какие-либо конкретные ситуации или события, когда заявительница оставляла своих детей без присмотра, не обеспечивала заботу или каким-либо образом пренебрегала своими обязанностями, не говоря уже об угрозе их здоровью или жизни в результате ее действий или бездействия. Они просто сослались на показания заявительницы, данные ею в рамках уголовного судопроизводства в ее отношении, о том, что она разрешала своим знакомым использовать ее квартиру для употребления наркотиков (см. пункт 6 выше), и на устные показания сотрудницы полиции по делам несовершеннолетних И.П., которая заявила, что

заявительница разрешала своим знакомым употреблять наркотики на ее кухне в присутствии ее детей (см. пункт 30 выше).

89. В связи с вышеизложенным Суд, во-первых, отмечает что из показаний заявительницы не следует, что она или ее знакомые когда-либо употребляли наркотики в присутствии ее детей. Неясно, что послужило основанием для соответствующего заявления И.П., поскольку этот вопрос не был подробно рассмотрен национальными судами. Во-вторых, заявительница, ее старший сын и ее мать неоднократно утверждали, что заявительница не демонстрировала свою наркозависимость членам семьи; в частности, ее повседневное поведение не было «неадекватным» (см. пункты 27, 28 и 31 выше). Хотя эти показания, по-видимому, противоречили заявлению И.П., поскольку она упомянула, что наркотики принимались в присутствии детей заявительницы, национальные суды не предприняли попыток получить дополнительную информацию для устранения этого важного противоречия.

90. Также важным является тот факт, что заявительница неоднократно заявляла о своем намерении решить проблему своей наркозависимости и, более того, предприняла шаги в этом направлении (см. пункты 19-25, 27, 43 и 49 выше). Тем не менее, нет никаких указаний на то, что национальные власти искали какие-либо независимые доказательства, такие как психологическая экспертиза, для оценки эмоциональной зрелости заявительницы и мотивации быть ответственным родителем и решить проблему своей наркозависимости. Кроме того, доводы заявительницы и доказательства того, что она начала реабилитационное лечение, были отклонены судом первой инстанции как не относящиеся к делу (см. пункт 40 выше), а также судом апелляционной инстанции со ссылкой на тот факт, что оно было получено после вынесения решения судом первой инстанции (см. пункт 43 выше). Суд находит эту цепочку рассуждений поразительной в ситуации, в которой наркозависимость заявительницы была, по-видимому, основным, если не единственным, основанием для лишения ее родительских прав. Фактически национальные суды решили проигнорировать представленные заявительницей доказательства, вместо проведения их оценки в ходе разбирательства (сравн. с упомянутым выше постановлением по делу «Н.П. против Республики Молдова», пункт 75).

91. В той части, в которой национальные суды ссылались на тот факт, что заявительница была безработной, Суд считает, что при отсутствии каких-либо других уважительных причин финансовые трудности сами по себе не могут рассматриваться как достаточные основания для разрыва связи между родителем и ребенком (сравн. с упомянутым выше постановлением по делу «Кочеров и Сергеева против России», пункт 119). Более того, в соответствующих судебных решениях не

объясняется, как отсутствие у заявительницы работы повлияло на ее способность заботиться о своих детях. Фактически, протокол от 11 октября 2013 года, на который ссылались национальные суды, не выявил каких-либо недостатков в условиях жизни семьи заявительницы, за исключением того факта, что комната, в которой проживали она и ее дети, была душной, грязной и плохо проветренной. Напротив, в этом протоколе указывается, что у детей были отдельные спальные места и что на кухне и в холодильнике было достаточно продуктов (см. пункт 19 выше). Кроме того, в протоколе от 18 ноября 2013 года были четко указаны последующие изменения. В частности, в нем говорилось, что квартира была чистой, уютной и хорошо проветренной, и что на кухне недавно был проведен ремонт (см. пункт 20 выше). Однако национальные суды не дали никакой оценки этим изменениям, в частности, могли ли они расцениваться как подлинная попытка со стороны заявительницы улучшить свою ситуацию после отобрания детей.

92. Суд также отмечает довод заявительницы о том, что согласно соответствующим положениям внутригосударственного права власти могли применить менее радикальные меры и лишь ограничить ее в родительских правах, вместо того, чтобы лишать заявительницу этих прав (см. пункты 54 и 63 выше). Суд находит удивительным тот факт, что национальные органы власти не рассматривали эту альтернативу, несмотря на то, что, как отмечалось в пункте 86 выше, ранее заявительница не была замечена в небрежном отношении к своим детям. Также они не предупреждали заявительницу о возможных последствиях ее предположительно небрежного отношения к своим детям.

93. Также важен тот факт, что заявительница постоянно выражала свою привязанность к детям и желала поддерживать с ними отношения. В национальные суды были представлены письменные и устные доказательства того, что до отобрания детей заявительница заботилась о них (см. пункты 28, 31 и 36 выше) и что после их отобрания она проявляла интерес к их жизни и прилагала усилия к тому, чтобы поддерживать с ними связь (см. пункт 29 выше). Также было продемонстрировано, что дети испытывают глубокую привязанность к своей матери и бабушке по материнской линии (см. пункты 16 и 29 выше) и что бабушка по материнской линии была готова взять детей под свою опеку (см. пункт 20 выше). Однако, не похоже, чтобы национальные суды должным образом рассмотрели какой-либо из этих аспектов. В частности, при выборе меры в деле заявительницы, они не оценили влияние, которое разлучение детей с матерью и бабушкой может оказать на их благополучие. Это особенно поразительно с учетом того факта, что лишение заявительницы родительских прав лишило ее родительского статуса и, следовательно, лишило ее каких-либо правовых оснований для подачи ходатайств об определении порядка

общения или получения доступа к ее детям.

94. Кроме того, Суд отмечает, что в результате оспариваемой меры дети были разлучены не только с их матерью, но и друг с другом, поскольку, старший ребенок был передан под опеку его отца, тогда как двое младших детей были переданы под опеку государства (см. упомянутое выше постановление Суда по делу «Кутцнер», пункт 77; постановление Суда от 10 апреля 2012 года по делу «Понтес против Португалии» (*Pontes v. Portugal*), жалоба № 19554/09, пункт 98; и упомянутое выше постановление Суда по делу «С.Х. против Италии», пункт 56).

95. В свете вышеизложенного Суд считает, что основания, на которые ссылались национальные суды, были недостаточны для оправдания лишения заявительницы родительских прав в отношении трех ее детей и для передачи двух младших детей под опеку государства. Национальные органы власти не смогли убедительно доказать, что, несмотря на доступность менее радикальных решений, оспариваемая мера представляла собой наиболее подходящий вариант, отвечающий наилучшим интересам детей. Таким образом, невзирая на предоставленную внутригосударственным органам власти свободу усмотрения, это вмешательство являлось несоразмерным преследуемой законной цели.

96. Следовательно, по делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

97. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

98. Заявительница требовала 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

99. Власти утверждали, что это требование было чрезмерным и необоснованным и не соответствовало прецедентной практике Европейского Суда. Они утверждали, что поскольку права заявительницы нарушены не были, никакая компенсация ей не полагается.

100. Суд отмечает, что он установил нарушение права заявительницы на уважение ее семейной жизни в связи с лишением ее родительских прав. Суд считает, что в этой связи заявительнице был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом установления нарушения. Принимая во внимание конкретные

обстоятельства дела, Суд считает разумным присудить заявительнице 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда, включая любой налог, которым может облагаться указанная сумма.

В. Расходы и издержки

101. Заявительница не требовала возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в национальных судах или в Европейском Суде.

102. Соответственно, Суд не присуждает никакой суммы в этом отношении.

С. Процентная ставка при просрочке платежа

103. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* жалобу приемлемой;
2. постановил, что было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
3. *Постановил:*
 - (а) что в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции власти государства-ответчика должны выплатить заявительнице 20 000 (двадцать тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанную сумму будут начисляться простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 25 февраля 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Пол Лемменс
Председатель